

Наталья Пищулина
(National Aerospace University, Kharkiv)

К вопросу о типологической классификации эпитафий в византийском Херсоне

On the Issue of Typological Classification of Epitaphs in Byzantine Chersonesus

РЕЗЮМЕ

Херсонес-Херсон – уникальный памятник, на примере которого можно проследить трансформационные процессы религиозного мировоззрения античной – византийской эпох. Начиная с IV в., в византийский период, горожане использовали символический язык античности; новое не вытесняло старое, а просто придавало привычным, традиционным вещам другую смысловую нагрузку.

В византийском Херсонесе значительно меньше надгробий по сравнению с античным периодом. Тем не менее, эпитафии выступают своего рода визуальной репрезентацией культа. Предложенная типология, безусловно, с корректировками, поможет выйти на решение новых задач, рассмотреть надгробия как погребальный элемент для составления более полной картины византийских религиозных воззрений.

Ключевые слова: Херсонес, захоронение, надгробия, эпитафии, типология

На поприще археологии Херсонеса трудится не одно поколение ученых. Благодаря этим изысканиям Херсонес-Херсон предстает как уникальный памятник, с одной стороны, античного, с другой – византийского периодов. В сравнении с греко-римской эпохой христианские эпитафии немногочисленны. Сегодня к византийскому периоду города можно отнести всего 31 надгробие¹, и два каменных надгробия золотоордынского и османского времени².

¹ Некоторые из уже открытых надгробий без надписей могли быть не учтены в силу того что в византийский период часто использовали те же склепы что и в античный, массово встречаются дозахоронения.

² В фондах музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранятся два надгробия, связь которых с самим памятником не подтверждена. Первый камень относится

По подсчетам С.Б. Сорочана примерно 15–23 херсонесита могли быть заняты в гробничном деле³. Тем не менее, нарративные херсонесские источники, затрагивающие тему погребального обряда, единичны. Именно поэтому особый интерес представляют археологические материалы.

В данной статье предлагаем для рассмотрения узкую тему: надгробия византийского Херсона – первую попытку типологической классификации херсонесских эпитафий, их каталог, историографию относительно каждой описанной единицы, а также уточнения некоторых данных, изложенных исследователями ранее.

Несмотря на немногочисленность рассматриваемых памятников, их изучением занимались только несколько исследователей. Издание и анализ практически всех надгробий – носителей греческих надписей и, соответственно, попытки их прочтения и датировки осуществил еще академик В.В. Латышев⁴. Автора интересовала, прежде всего, эпиграфическая составляющая.

Этой же позиции посвятил ряд статей А.Ю. Виноградов⁵. По факту только он приводит аргументацию датировки и объясняет предложенный перевод. Наиболее полный каталог надгробий визан-

к XV в., второй – к османскому времени. См.: И.В. Волков, *Два надгробных камня из Музея заповедника «Херсонес Таврический»*, в: *The Genoese Gazaria and the Golden Horde*, ed. S. Bocharov, A. Sitdikov, Kazan–Simferopol–Kishinev 2015, s. 573–577.

³ С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.)*. Очерки истории и культуры, т. 1–2, Харьков 2005, s. 1032.

⁴ *Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 годах с объяснениями акад. В.В. Латышева*, в: *Материалы по археологии России*, nr 23, Санкт Петербург 1899, s. 46–50, nr 45; *Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 годах. С объяснениями В.В. Латышева*, в: *Материалы по археологии России*, nr 9, Санкт Петербург 1892, s. 36–37, nr 29, 30; *Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах. С объяснениями академика В.В. Латышева*, в: *Материалы по археологии России*, nr 17, Санкт Петербург 1895, s. 80; В.В. Латышев, *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*, Санкт Петербург 1896, s. 23–26, nr 12, s. 26–27, nr 13, s. 31–32, nr 24, s. 33–34, nr 27, s. 35, nr 29; idem, *Эпиграфические новости из Южной России*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 18, Санкт Петербург 1906, s. 123–124, nr 38, s. 124–125, nr 39; idem, *Эпиграфические новости из Южной России*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 27, Санкт Петербург 1908, s. 28–29, nr 22, s. 29–30, nr 23, s. 30–33, nr 24–26, 28.

⁵ A. Vinogradov, *Von der antiken zur christlichen Koine: typische und untypische Inschriften des nördlichen Schwarzmeerraums*, в: *Une koiné pontique*, red. A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary, Bordeaux 2007, s. 263; А.Ю. Виноградов, *Загородный крестообразный храм в Херсонесе и его надписи*, в: *Вопросы эпиграфики*, ред. А.Г. Авдеев, выпуск 3, Москва 2009, s. 227–229, 241, 243, 245, 247; А.Ю. Виноградов, *„Миновала уже зима языческого безумия...“ Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики*, Москва 2010, s. 89–152.

тийского Херсона на настоящий момент содержит Интернет-ресурс IOSPE – международный проект по древнегреческим и латинским надписям Северопонтийского региона. Именно А.Ю. Виноградов автор введения, переводов и комментариев к надписям византийского блока⁶.

Еще одна попытка каталогизировать материал принадлежит М.В. Фомину⁷. Вначале в диссертационной работе, а после – в изданной монографии. Но подход автора к отбору и описанию эпитафий требует ряда уточнений. Отметим, что каталоги М.В. Фомина и А.Ю. Виноградова совпадают далеко не всегда, что требует своего объяснения.

Совершенно в ином контексте представлено описание надгробий в обобщающем монографическом труде по византийскому Херсону С.Б. Сорочаном. Автор не столько уделил внимание надписям, сколько проанализировал большинство открытых христианских эпитафий города в контексте представлений о смерти и принадлежности некоторых из них к конкретным погребальным сооружениям. С.Б. Сорочан рассматривал надгробия как аргументы относительно погребальных традиций и обрядов⁸.

Представленная тема в некоторой степени высветлена в работах В.М. Зубаря, Э.И. Соломоника, А.Л. Якобсона и М.И. Ростовцева⁹.

Вопрос относительно типологической классификации был затронут С.Б. Сорочаном и А.Ю. Виноградовым, однако дальнейшего развития не получил. В своих работах исследователи применяли к описанию эпитафий категории «форма» и «материал». В частности, С.Б. Сорочан отмечал, что «... в VI–IX вв. херсонеситы, боспоряне, судейцы и вообще ромеи использовали столбообразные и стеллообразные надгробия с прочерченным изображением креста, а также крестовидные надгробия»¹⁰. Относительно формы добавим, что кроме красноречивых надгробий в виде крестов и надгробий с нанесенными изображениями крестов, на кладбище Херсонеса встречаются эпитафии только с текстом, без каких-либо изображений.

⁶ *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, [Электронный ресурс], <http://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> [доступ: 8 IV 2018].

⁷ М.В. Фомин, *Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.)*, Харьков 2011, с. 265–272.

⁸ С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, с. 1031–1087; В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, *У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера*, Киев 2005, с. 97.

⁹ А.Л. Якобсон, *Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры*, в: *Материалы и исследования по археологии СССР*, т. 63, Москва–Ленинград 1959, с. 238, 259; Э.И. Соломоник, *Некоторые новые греческие надписи Средневекового Крыма*, „Византийский Временник“ 1986, 47, с. 212, 217, т. 8, с. 13.

¹⁰ С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, с. 1034.

А.Ю. Виноградов, в каталоге IOSPE, указывал в категории «разновидность» стелу, плиту и крест. Однако логический формообразующий ряд относительно «стелы» и «плиты» мы не проследили. Например, объект V 88 (согласно нашей нумерации: № 28) подписан как стела, а V 78 (№ 24) фигурирует как плита¹¹. Хотя в обоих случаях форма надгробий весьма похожа и они могут быть отнесены к яйцевидным. К слову, объект V 86 (№ 27) обозначен как «крест?», хотя его форма все та же, яйцевидная. Принимая это во внимание, предположим, что «плита» и «стела» выступают у автора в качестве синонимов.

Стела (дословно с греч. «памятник, мемориал»)¹² – вертикальная каменная плита (надгробная, памятная, посвятельная), украшенная изображениями и надписями¹³ – характерный термин для отображения объектов античного периода. На практике как стелу можно интерпретировать вертикальный памятник, что воздвигали непосредственно над погребальным сооружением. Плита же – горизонтальное перекрытие погребальной камеры. Проследить горизонтальное или вертикальное положение надгробий, от чего могли меняться функциональные особенности, в большинстве случаев не представляется возможным в виду отсутствия данных относительно археологического контекста находок. Иногда не известно и место хранения памятника. Поэтому нам представляется более правильным использование для «византийских надгробных стел» обобщающий термин «плита».

На категории «форма» также акцентировала внимание А.В. Буйских, анализируя многочисленные античные надгробия Херсонеса. Автор отмечала, что для типологии эпитафий необходимо базироваться на едином и общепринятом в настоящее время для подобных классификаций методическом принципе – формообразующем¹⁴.

При составлении типологической классификации эпитафий византийского Херсона мы остановились на двух позициях: 1) лапидарные эпитафии – надгробные камни и эпитафии в непосредственной близости от гроба, в контексте погребальной настенной живописи; а также 2) форма и материал, из которого изготовлены памятники, нанесенные на них изображения (рис. 1). Первый принцип заложен

¹¹ В составленном нами каталоге порядковые номера соответствуют типам надгробий и, соответственно, порядку упоминания в тексте при описании типологической классификации. Надгробия одного типа расставлены по хронологическому принципу.

¹² *A Patristic Greek Lexicon*, ed. G.W.H. Lampe, Oxford 1961, s. 1259.

¹³ С.Б. Сорочан, *Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры*, Харьков 2011, s. 705.

¹⁴ А.В. Буйских, *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*, в: *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum*, выпуск 5, Симферополь 2008, s. 192–193.

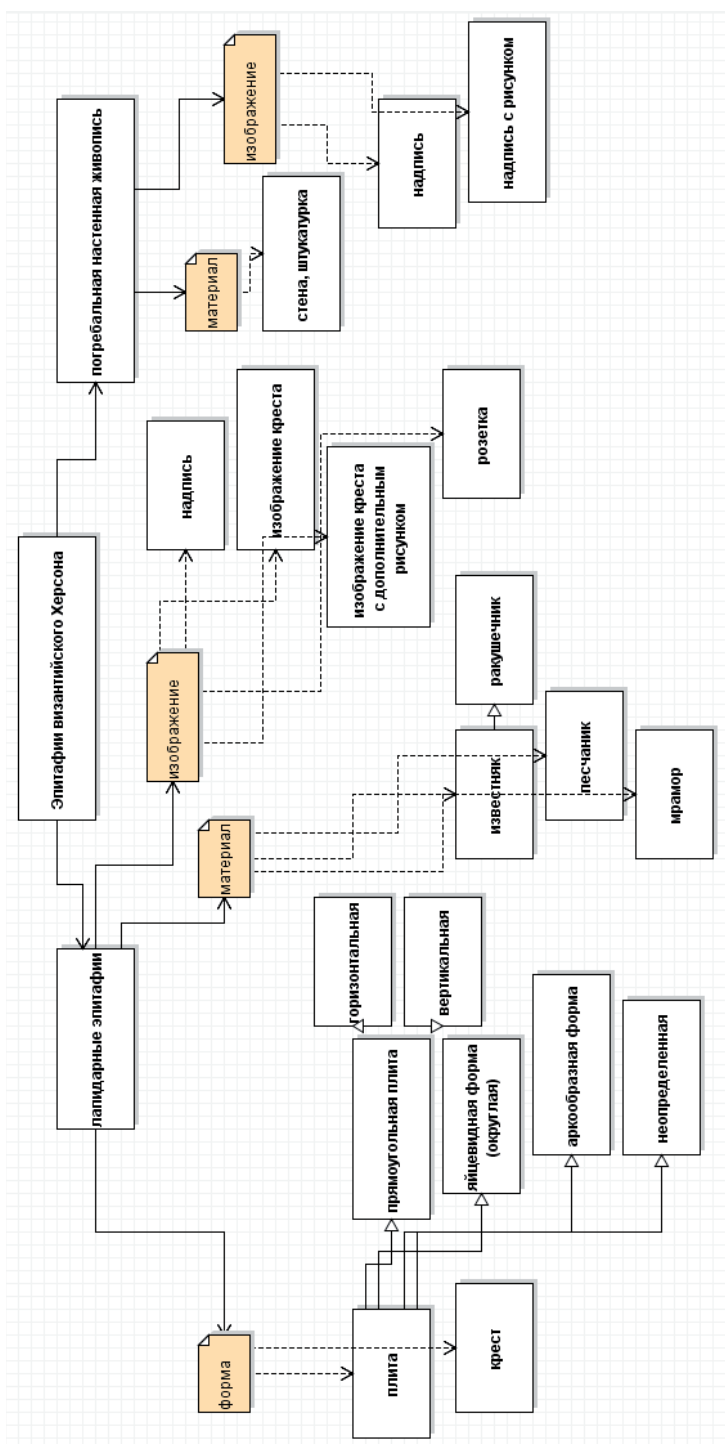

Рис. 1. Типологическая классификация эпитафий византийского Херсона (составлена при помощи графического языка Violet UML Editor)

в происхождении самого термина. *Epitaphius* (лат.) – надгробный камень (или надгробная речь, в другом значении)¹⁵. В греч. *ἐπιτάφιος* имеет более широкое значение – надгробный¹⁶, где *τάφος* – могила, гроб¹⁷, а приставка *ἐπι* указывает на местонахождение, то есть по сути «что-либо над гробом». Согласно переводу с греческого, надписи погребального характера на стенах склепов тоже можно интерпретировать как надгробия.

Эпитафии в контексте погребальной настенной живописи. В настоящий момент в Херсонесе открыто 13 склепов с раннехристианскими росписями. Эти памятники не однократно были предметом специальных исследований. Три из их числа можно отнести к эпитафиям: №№ 1, 2, 3¹⁸ (таб. 1). Материал, на котором выполнены надгробные надписи – стена, штукатурка. Хронологически – это период IV–V вв., то есть представленный тип памятника один из наиболее ранних на херсонесском кладбище. В отличие от лапидарных надгробий, где возникают сложности с интерпретацией памятников, все три надписи находятся в склепах и имеют непосредственное отношение к погребенным в них.

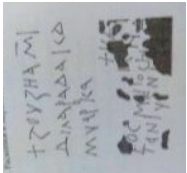
¹⁵ *Латинско-русский и русско-латинский словарь*, сост. А.В. Подосинов et al., Москва 2007, s. 501.

¹⁶ А.А. Назаренко, *Греческо-русский словарь христианской церковной лексики (с толковыми статьями): 4500 слов и выражений*, Москва 2015, s. 82.

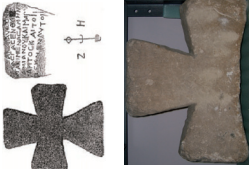

¹⁷ *Ibidem*, s. 175.

¹⁸ *Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе*, в: *Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1906 год*, Санкт Петербург 1907, s. 82–83, рис. 88, 89; Е.Я. Туровский, А.А. Филиппенко, *Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г.*, Научный Архив Национальный Заповедник Херсонес Таврический, дело 3856, к. 21, 24; Е.Я. Туровский, А.А. Филиппенко, *Хронология склепов ранних христиан некрополя Херсонеса (в свете данных раскопок 2006 г.)*, „Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма“ 2008, 1, s. 45–48; М.В. Ступко, Е.Я. Туровский, А.А. Филиппенко, *О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса*, в: *Sarcum et profanum. Небесные патроны и земные служители культа*, выпуск 3, Севастополь 2007, s. 189–191; В.М. Зубар, *Склепы с христианским розписом некрополя Херсонеса: проблемы датирования*, „Археология“ 2009, 2, s. 18–23; А.Ю. Виноградов, *Загородный крестообразный*, s. 227–233; А.Ю. Виноградов, *Миновалаужа*, s. 123–129; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 272; *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae (IOSPE)*, V 65, V 82, V 85; Е.Я. Туровский, А.А. Филиппенко, М.В. Фомин, *Херсонесские склепы с раннехристианскими росписями*, в: *Дриновский збірник*, т. 5, Харків–Софія 2012, s. 156–158; М.В. Фомин, А.А. Шевцова, *О раннехристианских комплексах Херсонеса*, „Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна“, Серія: Історія 2013, 1087, 47, s. 27; М.В. Фомин, *О культе местночтимых святых в ранневизантийском Херсоне*, „Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна“ Серія: Історія, 2015, 1145, 50, s. 225–227; для сравнения изображения кораблей: Т. Thomov, *Maritime ex-voto graffito from the church of Hagia Sophia, Constantinople*, „Byzantinoslavica“ 2015, 73, 1–2, s. 57–74.

Таб. 1. Каталог эпитафий византийского Херсона

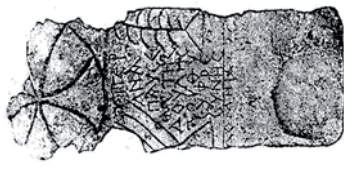

№	Место хранения, инвентарный номер	Место и обстановка находки	Датировка	Материал, описание носителя, состояние памятника	Размеры эпитафии	Перевод надписи	Изображение
1	<i>in situ</i> , инв. № отсутствует	Херсонес, некрополь у загородного храма, склеп 1/2006. Раскопки Е.Я. Туровского	Вторая половина IV в. (М.В. Ступко, Е.Я. Туровский, А.А. Филиппенко, А.Ю. Виноградов, М.В. Фомин), не ранее второй половины V в. (В.М. Зубарь)	Стена склепа, граффити. По свежей штукатурке одновременно с христорогмой и символическими изображениями кораблей проаратана надпись. Небольшие выщерблины на поверхности	В. – 20; ш. – 75	1: Димитрий, Сатурнилла, Гераклид, Надежда, акина, П.акон, Кириака 2: Ахиллид, сын Николая 3: Телеха гераклиот ради памяти написаа 4: Хрис... (перевод А.Ю. Виноградова)	
2	<i>in situ</i> , инв. № отсутствует	Херсонес, некрополь у загородного крестообразного храма, склеп 2/2006. Находка 2002 г. Обследования Е.Я. Туровского.	IV–V вв. (А.Ю. Виноградов, М.В. Фомин), не ранее второй половины V в. (В.М. Зубарь)	Стена склепа, материал – штукатурка. Надпись – правая от входа лежанка, задняя стена. Надпись нанесена красной охрой, в кругу	В. – 26; ш. – 26,5	«Аристона упокой, Господи. Душа твоя с праведными», позже «Аристон забывенный, душа твоя с праведными. Аристон, будь забывен, и душа твоя с праведными» (перевод А.Ю. Виноградова)	
3	<i>in situ</i> , инв. № отсутствует	Стена склепа № 1431. Херсонес, загородный крестообразный храм. Найдено в 1902 г. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича.	IV–V вв. (А.Ю. Виноградов, М.В. Фомин)	Стена склепа, материал – штукатурка. Надгробие семи женщин. Надпись в северо-восточном углу склепа, над правой нишей. Повреждения в нижней части	Размер: неизв	1: Зузия, Мидилабада (?), Камиарка (?) 2: Калия, .осия, .осм. ния, Тания (перевод А.Ю. Виноградова)	

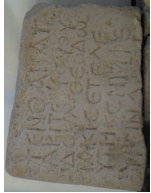
4 Фонд НЗХТ, инв. № 4140	Некрополь у Карантинной бухты, склеп № 785, 1896 г., раскопки К.К. Косцюшко- -Валюжинича	IV в. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. Крест с короткими горизонтальными рукавами и расширяющимися концами, грубой работы, с орнаментальной горизонтальной полосой посередине и маленьким крестом на ней. Небольшие выщерблины по поверхности	В. – 33,0; ш. – 23,0; т. – 11,0	«Памятник святой мученицы Анастасии» (перевод А.Ю. Виноградова)	
5 Фонд НЗХТ, инв. № 4144	Некрополь у Карантинной бухты, склеп № 2281. Камень найден в засыпи склепа. 1907 г., раскопки К.К. Косцюшко- -Валюжинича	VI в. (А.Ю. Виноградов)	Местный известняк. Плита в виде латинского креста с расширяющимися рукавами и выступом наверху. Сколы внизу; камень сильно выветрен	В. – 67,0; ш. – 31,0; т. – 18,0	«1: Альфа, омега 2: Господи, упокой раба Божьего Анастасия, [М]арию и [Т]а[и]с, супругу Симона» (перевод А.Ю. Виноградова)	
6 Фонд НЗХТ, инв. № 86/36504	Некрополь (?). 1890 г., раскопки К.К. Косцюшко- -Валюжинича	IV–V вв. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. Надгробный крест с расширяющимися концами, лицевая сторона заглажена. Обломан со всех сторон, кроме левой	В. – 17; ш. – 24; т. – 12	«Агафимера» (перевод А.Ю. Виноградова)	

<p>7 Фонд НЗХТ, инв. № 4138</p>	<p>Некрополь у Карантинной бухты. 1890 г., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича. М.В. Фомин ошибочно указал 1990 г. Место – возле склепа у загородного храма Богородицы Влагерской</p>	<p>IV–V вв. (А.Ю. Виноградов), VI–VII вв. (В.В. Латышев, М.В. Фомин)</p>	<p>Песчаник. Крест с удлиненным нижним рукавом и расширяющимися концами. Обломаны правые углы верхнего и нижнего рукавов, сколы по поверхности</p>	<p>В. – 42; ш. – 28,5; т. – 15,0</p>	<p>«О памяти и упокоении Стефана, Стефана и Христофора пресвитеров. Аминь» (перевод А.Ю. Виноградова)</p>	
<p>8 Фонд НЗХТ, инв. № 4143</p>	<p>Некрополь у Карантинной бухты, перед входом в склеп № 1951. Данная надпись относится к безымянной катакомбе христианской эпохи, доверху засыпанной костями. 1905 г., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича</p>	<p>IV–V вв. (А.Ю. Виноградов), V–VI вв. (М.В. Фомин)</p>	<p>Местный известняк. Крест с расширяющимися концами. Разбит на 2 части, отбит нижний рукав, часть букв стерта</p>	<p>В. – 39,5; ш. – 51,5; т. – 17</p>	<p>«1: [Господ]и, упокой [ду]ши, здесь лежащие, аминь: [Д]амiana, Маргариты и детей их 2: Свет. Жизнь» (перевод А.Ю. Виноградова)</p>	
<p>9 Фонд НЗХТ, инв. № 3353</p>	<p>1882 г., раскопки К.Е. Гиммельмана</p>	<p>350–355 г. (А.Ю. Виноградов)</p>	<p>Мраморная плита. Во вторичном использовании. Обожжена, слева стесана, справа обколота</p>	<p>В. – 17,0; ш. – 10,0; т. – 6,0</p>	<p>«[В царствование Флавиа [Юлия Конс]танция [такой-то себе [этот (?)] памятник...» (перевод А.Ю. Виноградова)</p>	

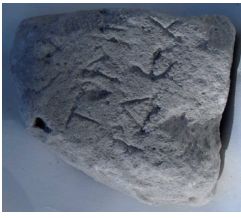
10 Фонд НЗХТ, инв. № 120/36504	Археологический контекст находки неизвестен	Конец IV–V вв. (А.Ю. Виноградов)	Крымбалльский (альминский) известняк. Плита с изображением наверху креста с расширяющимися концами в круге. Обломана сверху, сколота нижняя часть лицевой стороны, кроме левого угла; правая сторона стерта	В. – 40,5; ш. – 31,5; т. – 18	«Господи, упокой души, здесь лежащие, с праведными: Феодора, Константина, Асеники, Марии, Кирадии; Георгия, Анаста[си]я, Иоанн[а], Анастаси] и, Никомид[а], Асе[ник]и (?), Мнимы, Кирадии, Идонии (?)» (перевод А.Ю. Виноградова)	
11 Фонд НЗХТ, инв. № 121/36504 (у М.В. Фомина ошибочно указан инв. № 0059)	1914 г., раскопки Р.Х. Лепера. Археологический контекст находки неизвестен	IV–V вв. (М.В. Фомин), VI–VII вв. (А.Ю. Виноградов)	Известняк – по А.Ю. Виноградову, у М.В. Фомина же, как и на архивной карточке – ракушечник (разновидность известняка). В верхней части рельефная розетка или крест своеобразной формы; по сторонам и внизу круга надпись. Низ камня утолщен вырублено углубление	В. – 50,0; ш. – 34,0; т. – 23,0	«[И]улиана, сына Ария» (перевод А.Ю. Виноградова). Надпись читается плохо, В.В. Латышев оставил текст без комментария	

<p>12 Фонд ИЗХТ, инв. № 101/36504</p>	<p>Некрополь Херсонеса у Карантинной бухты, 1996 г., вблизи Загородного храма Богородицы Влахернской, случайная находка</p>	<p>IV–V вв. сторона А (М.В. Фомин), IV–VI вв. сторона Б (М.В. Фомин), VI–VII вв. (А.Ю. Виноградов)</p>	<p>Известняк. Первоначально изображение в виде 4-х лепестковой розетки или креста вписанного в круг. Вторичное использование: на стороне Б были вырезаны кресты с прямыми лучами. Плита обломана снизу, сколы по краям</p>	<p>В. – 40,0; ш. – 23,0; т. – 7,0</p>	<p>«1: Свет, жизнь»; 2: Памятник Петра моряка. Памятник Христофора и Сисиния (перевод А.Ю. Виноградова)</p>	
---------------------------------------	---	--	--	---	---	--

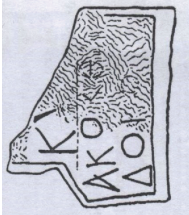
13	Фонд НЗХТ, инв. № 4142	Стена, куртины 16–17, наружная сторона, каменный завал. 1898 г., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича	V–VII вв. (А.Ю. Виноградов), VI–VII вв. (М.В. Фомин)	Известняк. Наверху лицевой стороны вырезан крест с расширяющимися концами в круге. В средней части по краям изображения двух деревьев. Внизу полуовальная ниша. Плита обломана сверху, стесана по бокам, сколы по поверхности	В. – 52,0; ш. – 17,0; т. – 9,5	«Об упокоении рабы Божьей Евфросинии; в 4-й (?) месяц, 31-го числа» (перевод А.Ю. Виноградова)	
14	Фонд НЗХТ, инв. № 34930	Некрополь у Карантинной бухты, насыпь. 1907 г.	VI–VII вв. (М.В. Фомин), X в. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. Надгробие обломано со всех сторон, кроме нижней, буквы сильно выветрены	В. – 12,5; ш. – 8,0; т. – 9,5	«[Почили] рабы [Б] ожья Иси[лор], сын Са[вватия (?)], и Феод[ор (?)]. .. м[ая]» (перевод А.Ю. Виноградова)	
15	Фонд НЗХТ, инв. № 61/36508	1958 г., в районе «Храма с ковчегом»	VI в. (по каталогу / авторы-сост. Л. Голофаст, А. Романчук, С. Рыжов, И. Антонова), VII–VIII (М.В. Фомин)	Известняк. Вторичное использование. Фрагмент надгробия в виде креста с расширяющимися концами	В. – 23,5; ш. – 13,0-18,0; т. – 11,0	Греческая монограмма «Феодор (?)» (по каталогу), «А Стефанос» (по С.Б. Сорочану и М.В. Фомину)	

16	Фонд НЗХТ, инв. № 34960	1889 г., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича	VI-VII вв. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. Плита обломана со всех сторон, кроме левой	В. – 10,5; ш. – 7,5; т. – 6,5	«...ий [ле]жит [т. здесь]» (перевод А.Ю. Виноградова)	
17	инв. № неизвестен	Некрополь у Карантинной бухты, насыпь, верхние слои. 1908 г., раскопки Р.Х. Лепера	VI-VII вв. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. Плита обломана справа и снизу	В. – 20,0; ш. – 10,0; т. – 8,0	«Здесь ле]жит такой-то...» (перевод А.Ю. Виноградова)	
18	Фонд НЗХТ, инв. № 111/36504	Памятник впервые упоминается, как бесспорный, в инв. описи 1961 г.	VI-VII вв. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. Плита обломана со всех сторон, кроме верхней	В. – 11,0; ш. – 19,0; т. – 11,0	«Здесь лежит [т. такой-то...]» (перевод А.Ю. Виноградова)	
19	Фонд НЗХТ, инв. № 4134	Храм № 19 у южной стены. 1903 г., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича	VI в. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. Плита обломана снизу	В. – 44,0; ш. – 46,0; т. – 16,0	«Здесь лежит раб Божий Феодоракис. Скончался 3 февраля, в 15-й индикт» (перевод А.Ю. Виноградова)	

20	Фонд НЗХТ, инв. № 3625	Девичья гора, одна из гробниц, кладка стены. Надпись была вторично использована в кладке гробницы внутри второго, позднего «храма в храме» (XII–XIII вв.). 1907 г., обследования М.И. Скубетова	915 г. (А.Ю. Виноградов), X в. (М.В. Фомин)	Известняк. Камень стесан сверху	В. – 22,0; ш. – 44,0; т. – 21,0	«раб Божий Кануполий, почивший 29 июля 6423 г (915 г.)» (по В.В. Лагашеву, С.Б. Сорочану, М.В. Фомину), «[... Почта иже во] блаженной памяти и раб Божий [Ио]анн Полгос. Почил же 29 июля, год 6423» (по А.Ю. Виноградову)	
21	Фонд НЗХТ, инв. № 85/36504	Некрополь у Загородного крестообразного храма, склеп № 2131, у входа. 1906 г., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича	X–XII вв. (А.Ю. Виноградов), XII–XIV вв. (М.В. Фомин)	Известняк сарматского яруса. На лицевой стороне изображение круга, пересеченного косыми линиями, и плетенки. Небольшие сколы со всех сторон	В. – 31,0; ш. – 39,5; т. – 16,0	«[Иоанн (?) в]ърыл; почил Иона» (перевод А.Ю. Виноградова)	
22	Фонд НЗХТ, инв. № 104/36961	Квартал II, помещение 2, слой 2. 1978 г., раскопки А.И. Романчук	X–XIII вв. (А.Ю. Виноградов)	Желтоватый известняк. Плита обломана сверху и снизу. Лицевая сторона заглажена	В. – 16,5; ш. – 27,0; т. – 9,0	«Почил раб Божий Косма» (перевод А.Ю. Виноградова)	

23	Фонд НЗХТ, инв. № 84/36504	Археологический контекст находки неизвестен. 1889–1891 гг.	XI–XII вв. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. На лицевой стороне грубое изображение креста. Плита обломана со всех сторон	В. – 19,0; ш. – 23,0; т. – 10	«Иоанн» (перевод А.Ю. Виноградова)	
24	Фонд НЗХТ, инв. № 73/36504	Обнаружен в 1907 г. перед входом в склеп № 2368, некрополь у Карантинной бухты. (С.Б. Сорочан ошибочно указал склеп № 309 на территории южного некрополя)	VI–VII вв. (А.Ю. Виноградов), VI в. (М.В. Фомин)	Известняк. На лицевой стороне изображение креста с расширяющимися концами и рамкой по краю; вероятно, внизу находилась штывль для вставки. Плита обломана снизу, сколы в верхней части лицевой стороны	В. – 23,5; ш. – 20,0; т. – 8,0	«Пам ятник Лазаря» (перевод А.Ю. Виноградова)	
25	Фонд НЗХТ, инв. № 34964, 35074	Некрополь у Загородного крестообразного храма, насыпь. 1906 г., раскопки К.К. Косцюшко- -Валюжинича	VI–VII вв. (А.Ю. Виноградов, М.В. Фомин)	Известняк. Плита, обломана со всех сторон	В. – 10,5; ш. – 9,0; т. – 4,5	«... пам ятник Го] рдиана (?... » (перевод А.Ю. Виноградова)	

26	Фонд НЗХТ, инв. № 4047 (у М.В. Фомина ошибочно указан инв. № 4097)	Надробие найдено в 1903 г., рядом с храмом № 15 («базилика в базилике»), каменный завал	VIII в. (М.В. Фомин), X в. (А.Ю. Виноградов)	Белый мелкозернистый мрамор. Плита с полукруглым верхом; на лицевой стороне изображение креста с тремя каплями на концах рукавов. Обломана справа и снизу	В. – 27,5; ш. – 17,0; т. – 4,0	« 1: Иисус Христос побеждает. 2: Почил [лиже во бла]женной [памяти и] раб [Божий Нико]л[ай] (?) ...]» (перевод А.Ю. Виноградова)	
27	Фонд НЗХТ, инв. № 4316	Археологический контекст находки неизвестен. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича	XI–XII вв. (А.Ю. Виноградов)	Известняк. Сохранился верхний рукав с рамкой и зубчатым орнаментом по краю лицевой стороны, следы охры; на тыльной стороне желобок вдоль верхнего края. Камень обломан справа и снизу	В. – 16,0; ш. – 15; т. – 8	«Усыпальница ... кля ...» (перевод А.Ю. Виноградова)	

<p>28 Фонд НЗХТ, инв. № 68/37148</p>	<p>Северный район, квартал X-A, часовня 1, южная стена, наружная сторона, рядом со входом. 1988 г., раскопки С.Г. Рыжова</p>	<p>XI-XIII вв. (А.Ю. Виноградов)</p>	<p>Известняк. Плита сложной формы; на лицевой стороне изображение креста с раздваивающимися концами и сложным основанием. Плита обломана справа</p>	<p>В. - 25,0; ш. - 21,0; т. - 6,0</p>	<p>«[Почил раб] Божий (или: [Почила раба] Божья) Кир... 25 феврала, ...» (перевод А.Ю. Виноградова)</p>	
<p>29 Фонд НЗХТ, инв. № 5572</p>	<p>Владимирский собор, перед западным фасадом. 1889-1891 гг., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича</p>	<p>1183 г. (А.Ю. Виноградов)</p>	<p>Известняк. Состоит из 3 блоков. Буквы повреждены, у второго блока сколот левый нижний угол, третий блок разбит на 3 части</p>	<p>В. - 11,0; ш. - 100,0; т. - 31,0</p>	<p>«Упокоился иже во блаженной памяти и раб Божий Петроний, иеромонах и клирик, благодегель и не[достоин]ый наследник (?) ктигора, 10-го ноября, во 2-й индикт, в 6692 году» (перевод А.Ю. Виноградова)</p>	
<p>30 Место хранения неизвестно</p>	<p>Херсонес, некрополь у Карантинной бухты, склеп № 2385. 1907 г., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича</p>	<p>IV-V вв. (А.Ю. Виноградов)</p>	<p>Известняк (?). Плита с нижним рукавом, расширяющимся в подставку, по краю врезана рамка. Обломана сверху, сколы на правой части лицевой стороны</p>	<p>В. - 27,0; ш. - 18,0; т. - 88</p>	<p>«[Здесь ле]ж[ит] Ки[ри]л[ак], сын Ф[ео]дора» (перевод А.Ю. Виноградова)</p>	

31	Фонд НЗХТ, инв. № 179/37050	IX квартал, возле бани у Северной базилики, в кладке стены XII–XIV вв. 1982 г., раскопки С.Г. Рыжова	IV–V вв. (А.Ю. Виноградов)	Белый мелкозернистый мрамор. Носитель – римское надгробие с фронтоном и карнизом сверху, с профилированными дорическими колонками по бокам и с углубленным на 4 см полем между ними, во вторичном использовании, лицевая сторона заглажена, тыльная обработана грубо, с ямками. Плита обломана справа и снизу	В. – 15,5; ш. – 16; т. – 2	«Епифани...» (перевод А.Ю. Виноградова)	
----	-----------------------------	--	-------------------------------	---	----------------------------------	--	---

Лапидарных эпитафий подавляющее большинство. В византийском Херсоне они представлены двумя типами: кресты и плиты. Надгробия в виде крестов традиционно считаются особенностью Константинополя и его окрестностей¹⁹.

В.М. Зубарь и его соавтор А.И. Хворостяный писали, что «крест становится непременным атрибутом херсонесских и вообще крымских христианских надгробий не ранее V–VII вв.»²⁰. Однако в настоящее время можно говорить о херсонесских эпитафиях IV–V вв., четыре из которых были найдены в непосредственной близости от склепов (№№ 4, 7, 8 [кресты], 30). Более того, три настенные надгробные надписи датируются тем же временем (№№ 1, 2, 3).

Наиболее ранняя херсонеская эпитафия в виде креста относится к IV в. С ней связана некоторая путаница в историографии. В каталоге М.В. Фомина указаны изображения двух разных памятников под одним порядковым номером (инв. номер 4144), что не соответствует надписи «Памятник святой мученицы Анастасии». А.Ю. Виноградов же, описывая эпиграфические источники IV в., напротив, привел анализ как раз этого памятника под инв. номером 4140. Отсюда и возникшая путаница с археологическим контекстом находки. С.Б. Сорочан обозначил оба объекта в разных контекстах: инв. № 4144 с изображением памятника, инв. № 4140 – в примечаниях. В новом каталоге IOSPE фигурируют оба памятника под номерами V 76 (№ 4) и V 62 (№ 5).

¹⁹ D. Feissel, *Chroniques d'épigraphie byzantine 1987–2004*, Paris 2006, nr 181, 185, 396, 410.

²⁰ В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, *У истоков христианства*, s. 97; В.М. Зубарь, А.И. Хворостяный, *От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.)*, Киев 2000, s. 82.

Анализируя данную группу надгробий (№№ 4²¹, 5²², 6²³, 7²⁴, 8²⁵), отметим, что хронологические рамки их бытования не выходят за пределы IV–V вв. (таб. 1). Это ранневизантийские памятники, четыре из которых были найдены в непосредственной близости от склепов, археологический же контекст эпитафии под № 6 неизвестен. Четыре из них были изготовлены из мягкого известняка, надгробие под № 7 из мягкого песчаника. Тут следует отметить, что византийские херсонские надгробия в подавляющем большинстве (24 из 31) были изготовлены из известняковых плит.

Категория «плиты» (21 единица) послужила обобщающим названием для нескольких форм. Наиболее распространенные – плиты прямоу-

²¹ В.В. Латышев, *Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг.*, s. 46–49, nr 45; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 1081; A. Vinogradov, *Vonderantiken*, s. 263–264, nr 13; А.Ю. Виноградов, *Миновала уже*, s. 129–132; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 267; М.В. Фомин, *О культуре местночтимых*, s. 225–232; IOSPE, V 76.

²² В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России*, w: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 27, Санкт Петербург 1908, s. 28–29, nr 22; К.К. Косцюшко-Валюжинич, М.И. Скубетов, *Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году*, w: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 42, Санкт Петербург 1911, s. 52; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 1080; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 267; IOSPE, V 62.

²³ В.В. Латышев, *Надписи, найденные в Херсонесе Таврическом в 1889–91 года*, s. 37, nr 30; idem, *Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 года*, s. 80; А.Ю. Виноградов, *Миновала уже*, s. 138–139; IOSPE, V 81.

²⁴ В.В. Латышев, *Надписи, найденные в Херсонесе Таврическом в 1889–91 года*, s. 36–37, nr 29; idem, *Сборник греческих*, s. 31–32, nr 24; *Византийский Херсон. Каталог выставки*, ред. И.С. Чичуров, Москва 1991, s. 28, nr 13; *Византийский Херсон: Каталог выставки*, авторы-сост. Л. Голофаст et al., Москва 1991, s. 28; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 1053; А.Ю. Виноградов, *Миновала уже*, s. 139–142; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 269; IOSPE, V 61.

²⁵ К.К. Косцюшко-Валюжинич, *Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1902 году*, w: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 9, Санкт Петербург 1904, s. 258–259; В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России*, w: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 18, Санкт Петербург 1906, s. 123–124, nr 38; К.К. Косцюшко-Валюжинич, *Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г.*, w: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 23, Санкт Петербург 1907, s. 94, nr 1951; А.Л. Якобсон, *Раннесредневековый Херсонес*, s. 258; *Византийский Херсон. Каталог выставки*, ред. И.С. Чичуров, Москва 1991, s. 29; А.Ю. Виноградов, *Миновала уже*, s. 132–133; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 265; IOSPE, V 63.

гольные вертикальные (№№ 9²⁶, 10²⁷, 11²⁸, 12²⁹, 13³⁰, 14³¹, 15³², 16³³, 17³⁴) или горизонтальные (№№ 8³⁵, 19³⁶, 20³⁷, 21³⁸, 22³⁹, 23⁴⁰) (таб. 1). Разница между ними в размере (больше ширина или высота), также плиты могли быть обломаны, могли выполнять разные функции в зависимости от расположения. Хронологические рамки – IV–XIV вв., такие плиты встречались на протяжении всего христианского периода города. 14 из них были изготовлены из известняка, надгробие под № 9 – из мрамора. Последнее, как и можно было ожидать, использовалось вторично.

Возможно, преобладание прямоугольных плит над другими можно объяснить простотой формы. На необработанный камень было не сложно наносить лаконичные тексты или, в некоторых случаях, изображения.

Следует обратить внимание на надгробие под номер 12. Очевидно, на плиту были нанесены две или три разновременные эпитафии.

²⁶ А.Ю. Виноградов, *Миновала уже*, с. 90–92; IOSPE, V 80.

²⁷ А. Vinogradov, *Vonderantiken*, s. 263, nr 12; А. Ю. Виноградов, *Миновала уже*, с. 134–136; IOSPE, V 64.

²⁸ М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, с. 268; IOSPE, V 83.

²⁹ А.Ю. Виноградов, *Загородный крестообразный*, с. 243; В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, *У истоков христианства*, с. 74; Н.Н. Лыкова, *Особенности трансформации символа креста на территории средневековой Таврики*, „Культура народов Причерноморья“ 2009, 154, с. 84; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, с. 265, 270; IOSPE, V 79.

³⁰ *Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895–1898 годах с объяснениями акад. В.В. Латышева*, w: *Материалы по археологии России*, t. 23, Санкт Петербург 1899, с. 49–50, nr 46; *Византийский Херсон. Каталог выставки*, ред. И.С. Чичуров, Москва 1991, с. 27, nr 11; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, с. 1081; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, с. 269; IOSPE, V 60.

³¹ В.В. Латышев, *Эпиграфические новости*, с. 31, nr 26; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, с. 1082; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, с. 271; IOSPE, V 87.

³² Э.И. Соломоник, *Несколько новых греческих надписей*, с. 212; *Византийский Херсон. Каталог выставки*, ред. И.С. Чичуров, Москва 1991, с. 29; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, с. 1080; М.В. Фомин, *Погребальная традиция и обряд*, с. 269.

³³ IOSPE, V 73.

³⁴ В.В. Латышев, *Эпиграфические новости*, с. 46, nr 7; IOSPE, V 74.

³⁵ IOSPE, V 75.

³⁶ В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России (находки 1903–1905 гг.)*, w: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 14, Санкт Петербург 1905, с. 109, nr 20; IOSPE, V 71.

³⁷ В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России*, w: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 27, Санкт Петербург 1908, с. 29–30, nr 23; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, с. 819–820, 1081; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, с. 271; IOSPE, V 66.

³⁸ А.Ю. Виноградов, *Загородный крестообразный*, с. 244–245; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, с. 267; IOSPE, V 69.

³⁹ IOSPE, V 70.

⁴⁰ В.В. Латышев, *Сборник греческих*, с. 35, 29; IOSPE, V 84.

По этой причине в каталоге М.В. Фомина объект обозначен дважды: сторона Б с инвентарным номером, сторона А – без. В каталоге IOSPE приведено изображение только стороны Б, так как, по мнению А.Ю. Виноградова, формулу «Φῶς. Ζωή» – «Свет. Жизнь» – на стороне А следует рассматривать как демонстративную. Кроме того, автор выдвинул предположение, что вначале было прописано «памятник Петра моряка», а затем «памятник Христофора и Сисиния» (сторона Б). Как отдельный надгробный памятник сторона А была описана в совместной работе С.Б. Сорочана и В.М. Зубаря. Возможно, представленный объект трижды использовался в качестве надгробия в разное время.

Плиты яйцевидной формы – условное название, поскольку они могли быть обломаны и изначально иметь другую форму. В сохранившемся виде эти плиты округлые. На херсонесском кладбище зафиксировано пять таких находок: 24⁴¹, 25⁴², 26⁴³, 27⁴⁴, 28⁴⁵ (таб. 1). Хронологические рамки охватывают V–XIII вв.; четыре эпитафии были изготовлены из известняка, надгробие под номером 26 – из мрамора.

Плита аркообразной формы скорее исключение, в Херсоне она одна (29⁴⁶), материал – известняк (таб. 1). К числу надгробных памятников данный объект можно отнести по характеру надписи.

Отдельной категорией выделим две плиты неопределенной формы: одну мраморную (31⁴⁷), одну известняковую (30⁴⁸). По сохранившемуся фрагменту сложно установить первоначальный вид (таб. 1).

⁴¹ В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 27, Санкт Петербург 1908, s. 31, nr 25; К.К. Косцюшко-Валюжинич, М.И. Скубетов, *Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 42, Санкт Петербург 1911, s. 74; *Византийский Херсон. Каталог выставки*, ред. И.С. Чичуров, Москва 1991, s. 26, nr 10; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 1083; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 269; IOSPE, V 78.

⁴² К.К. Косцюшко-Валюжинич, *Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 33, Санкт Петербург 1909, s. 46; А.Ю. Виноградов, *Загородный крестообразный*, s. 240–242; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 272; IOSPE, V 77.

⁴³ В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 27, Санкт Петербург 1908, s. 41, L1; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 266; IOSPE, V 67.

⁴⁴ IOSPE, V 86.

⁴⁵ IOSPE, V 88.

⁴⁶ В.В. Латышев, *Сборник греческих*, s. 33–34, 27; Д.В. Айналов, *Памятники христианского Херсонеса*, выпуск 1, *Развалины храмов*, Москва 1905, s. 67; IOSPE, V 68.

⁴⁷ Э.И. Соломоник, *Несколько новых греческих надписей*, s. 217, nr 8, рис. 13; А.Ю. Виноградов, *Миновала уже*, s. 150–152; IOSPE, V 101.

⁴⁸ К.К. Косцюшко-Валюжинич, М.И. Скубетов, *Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*,

К категории «изображения» относительно лапидарных эпитафий мы условно отнесли следующие позиции: надпись, процарапанный крест, крест с рисунком и розетка. Надпись присутствует на всех херсонских надгробиях, что во многих случаях упрощает датировку носителя. Крест, как нанесенное изображение, представлен на пяти памятниках (№№ 12 [сторона Б], 13, 16, 24, 28). И надгробие в форме креста, и крест, вписанный в надгробие, несли одинаковую смысловую нагрузку. На одно из этих надгробий было нанесено изображение двух деревьев.

Розетка была прорисована на трех памятниках (№№ 11, 12 [сторона А], 21). В.М. Зубарь и его соавтор А.И. Хворостяный писали, что «на ранних христианских надгробиях, обнаруженных в Херсонесе и в Юго-Западной Таврике, также нет крестов, а вырезались четырехлепестковые розетки, вписанные в круг»⁴⁹. Вслед за исследователями, практически дословно, подобное заключение сделала Н.Н. Лыкова⁵⁰. Однако логики относительно формы надгробий в византийском Херсонесе не прослеживается. Можно выстроить следующий хронологический ряд из эпитафий-крестов и плит с нанесенными на них розетками: №№ 4, 6, 11, 7, 8, 12 [сторона А], 5, 21. То есть розетки датируются в диапазоне IV–XIV вв. – они встречались на протяжении всего официально христианского периода города.

Использование розеток в христианской погребальной практике также было отмечено в недавно изданной монографии Ю. Матвеевой. Рассматривая семантику декоративных тканей в мозаиках Равенны, автор неоднократно акцентировала внимание на надгробиях, в том числе Херсонеса-Херсона. Ю. Матвеева отметила, что изображения в розетках могли выступать в качестве символа трапезы бессмертия⁵¹.

Надгробные надписи – самый распространенный тип надписей в Северном Причерноморье, и не только. А.Ю. Виноградов рассмотрел все формулы, встречающиеся на херсонских эпитафиях, а также

выпуск 42, Санкт Петербург 1911, s. 80; В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 27, Санкт Петербург 1908, s. 30, пг 24; А.Л. Якобсон, *Раннесредневековый Херсонес*, s. 259; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 1072, прим. 123; А.Ю. Виноградов, *Миновала уже*, s. 136–138; IOSPE, V 72.

⁴⁹ В.М. Зубарь, А.И. Хворостяный, *От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.)*, Киев 2000, s. 82; В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, *У истоков христианства*, s. 97.

⁵⁰ Н.Н. Лыкова, *Особенности трансформации*, s. 84.

⁵¹ Ю. Матвеева, *Декоративные ткани в мозаиках Равенны: семантика и культурно-смысловый контекст*, Киев–Харьков 2017, s. 89–90.

привел аналогии⁵². Поэтому для их анализа мы применили компьютерную программу MAXQDA10, акцентируя внимание не на формулах, а на тегах, наиболее распространенных и часто упоминаемых в текстах. Это программа качественного анализа, поддерживающая комбинированные методы⁵³.

Уже Н.И. Новосадский (относительно греческих христианских надписей), а затем Н.Н. Болгов (относительно текстов на памятниках V в. в Керчи), предложили следующую типологию: 1) краткое указание имени; 2) рассказ о почившем; 3) автобиография⁵⁴. Лаконичные херсонские надгробные тексты сложно рассматривать с предложенной позиции.

Как видно из анализа тегов, первую позицию занимают понятия «божий», «раб», «почил», «здесь» (рис. 2). Вторую позиция – «во», «памяти», «упокой». Облако тегов выстраивает вполне объяснимый логический ряд. Выделим следующие акценты: «здесь», «почил», «упокой», «во», «памяти» и «раб», «божий», что, на наш взгляд, следует понимать следующим образом: указание места (здесь погребен); надгробие поставлено как знак памяти (категория *memoria*); и религиозный маркер (здесь захоронение христианина). Христианские надписи, как и языческие, носили в себе отпечаток жизни того общества.

С точки зрения функциональной нагрузки, на наш взгляд, следует выделить две категории: *memoria*⁵⁵, как знак памяти, способность удержать знание о пережитом и утилитарное значение.

Первое надгробие, – маццева – согласно упоминанию в Библии, было воздвигнуто Иаковом на могиле Рахили⁵⁶. Надгробия имели место и в эпоху Первого храма, как следует из рассказа о «знаке» (цион) над могилой пророка и из предписания пророка Иезекииля отмечать ционом найденные человеческие кости для их последующего погребения⁵⁷.

⁵² IOSPE, IV.3.F.a. Ὑπὲρ (μνήμης καὶ) ἀναπαύσεως; IV.3.F.b. Κύριε, ἀνάπαυσον; IV.3.F.c. Κεκοίμηται; IV.3.F.d. Ἐνθάδε κατάκειται; IV.3.F.e. Ἐκοιμήθη; IV.3.F.f. Ἐτελειώθη; IV.3.F.g. Ἐτελεύτησεν; IV.3.F.h. Μνημεῖον / Μνήμα.

⁵³ Н.В. Солощенко, *Многотиражная газета „Наша правда“ кондитерской фабрики „Красный Октябрь“ в годы первой пятилетки: источниковедческие и методические аспекты анализа газетного материала*, „Историческая информатика“ 2015, 3–4, s. 41–43.

⁵⁴ Н.И. Новосадский, *Несколько заметок о греческих христианских надписях*, в: *Сборник Харьковского историко-филологического общества*, т. 21, Харьков 1914, s. 296–309; Н.Н. Болгов, *Боспор V в.: континуитет материальной культуры «Темного столетия»*, „Проблемы истории, филологии, культуры“ 1998, 5, s. 45.

⁵⁵ *Латинско-русский и русско-латинский словарь*, s. 191.

⁵⁶ *Книга Бытие*, 35:20.

⁵⁷ *Книга Царей*, II.23:17; *Книга Иезекииля*, 39:15.

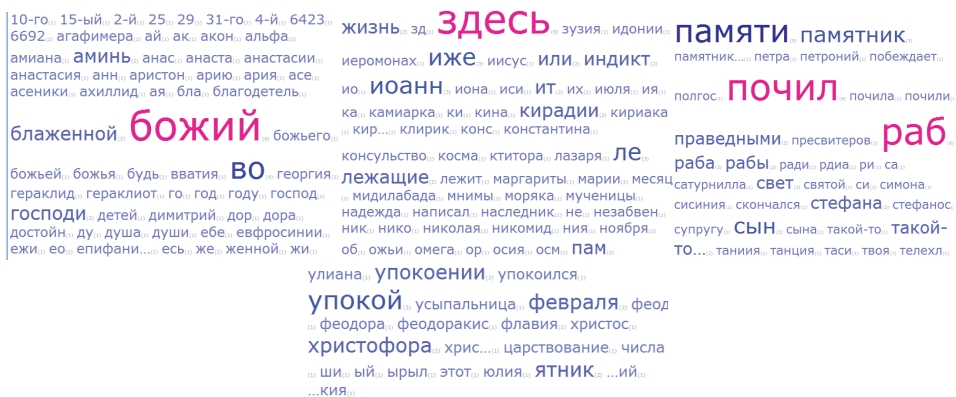

Рис. 2. Облако тегов надписей на эпитафиях византийского Херсона

С.И. Берестнев и А.А. Формозов, описывая древние памятники, также акцентировали внимание на утилитарной функции надгробий: стремление выделить место упокоения.

Надгробия в Херсонесе применяли на протяжении всей истории города, вплоть до XIV в. В византийский период их значительно меньше. Функции эпитафий, с позиции *memoria*, не изменились, изменилась форма выражения – надгробные памятники в христианской погребальной практике заменили на поминальные списки⁵⁸.

Как отдельную категорию выделим памятники, которые по ряду характеристик некоторые исследователи интерпретировали как надгробия. Некоторые из них, предположительно, могли быть эпитафиями. Однако мы не включали их в общий контекст, при выведении статистических данных и, соответственно, надписи не вошли в облако тегов.

С.Б. Сорочан описал как эпитафию мозаику на полу Уваровской базилики: «эпитафия с упоминанием Малха «и всех сродников его»⁵⁹. А.Ю. Виноградов же отнес надпись к посвячительным. В Херсонесе есть и другие подобные надписи византийского периода:

⁵⁸ Н.О. Супрун, *О трансформации погребального обряда в Херсонесе – Херсоне на примере церемонии захоронения*, в: *Византийская мозаика. Сборник публичных лекций Эллина-византийского лектория при Свято-Пантелеимоновском храме. (Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Supplementum 1)*, ред. С.Б. Сорочан, Харьков 2013, s. 177–184.

⁵⁹ С.Б. Сорочан, *О храмовом декоре византийского Херсона и его эволюции в VI–X веков*, в: *Actes testantibus: ювелірний збірник на пошану Леонтія Войтовича*, ред. М. Литвин, Львів 2011, s. 611; также см.: А.С. Уваров, *Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических находках в 1853 году*, Санкт Петербург 1855, s. 159, 167–168 (см. на плане восточный конец южной галереи Уваровской базилики); В.В. Латышев, *Сборник греческих*, s. 26–27, nr 13; A. Vinogradov, *Vonderantiken*, s. 265, nr 18; IOSPE, V 20.

«О молитве за Мартирия и всех его близких» – храм № 36 («Восточная базилика»)»⁶⁰, – «О молитве за [Фео]дора [...]» – храм № 22 («Северная базилика»)»⁶¹, «О молитве за Евсевия и А[...] и всех их близких]» – надпись на карнизе⁶² и т.д. Все они имели посвященный характер, на колоннах же Уваровской базилики были написаны имена граждан, очевидно, пожертвовавших деньги на их устройство. На наш взгляд представленный объект все же можно отнести к надгробным надписям, руководствуясь предположением относительно назначения помещения – надпись на полу мартирия, в вырубленном в скале склепе Уваровской базилики⁶³. Здесь стоит также заметить, что функции помещений могли меняться.

То же место находки и у следующего памятника с надписью «1: Свет, жизнь 2: Господи, помоги этому дому» (Государственный Эрмитаж, X-1039)⁶⁴. Хотя текст и находится на надгробии, более того – с изображением загробной трапезы, все же характер надписи, на наш взгляд, не позволяет отнести его к категории эпитафий. Д.В. Айналов предположил, что рельеф мог быть приношением какого-либо херсонского семейства. А.Ю. Виноградов заметил, что подобная формула встречается в Византии в жилых домах, после чего рельеф мог быть перенесен в храм № 23. Хотя камень найден не в стене, а рядом.

В своем каталоге М.В. Фомин а к числу надгробий отнес памятник под инвентарным номером 81/36504, руководствуясь, очевидно, визуальными характеристиками объекта⁶⁵. В каталоге же IOSPE А.Ю. Виноградов предложил перевод надписи на носителе: «1: О Боже, помоги 2: [Иисус] Христос побеждает 3: Посвятили херсаки это»⁶⁶. Археологический контекст находки неизвестен. Учитывая характер надписи, данный объект, на наш взгляд, не следует интерпретировать как надгробие.

⁶⁰ IOSPE, V 21.

⁶¹ IOSPE, V 19.

⁶² IOSPE, V 18.

⁶³ С.Б. Сорочан, *О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в ранне-средневековом Херсоне, „Античная древность и средние века“* 2003, 34, s. 146–173; С.Б. Сорочан, *О храмовом декоре*, s. 611, см. комментарии у С.Б. Сорочана: мелкие камешки от мозаичного набора и измельчившийся строительный раствор были обнаружены при исследовании в 1953 г. именно в апсиде мартирия в восточной оконечности южной галереи Уваровской базилики; С.Б. Сорочан, *Скальная архитектура христианского Херсонеса-Херсона (IV–X века)*, в: *Наследство и культурен пейзаж. Известия на Регионален исторически музей*, t. 18, Русе 2015, s. 106–107.

⁶⁴ В.В. Латышев, *Сборник греческих*, s. 23–26, nr 12; Д.В. Айналов, *Памятники христианского Херсонеса*, выпуск 1, *Развалины храмов*, Москва 1905, рис. 10; IOSPE, V 50.

⁶⁵ М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 271.

⁶⁶ IOSPE, V 15.

Также у М.В. Фомина к надгробиям предположительно отнесен объект под инвентарным номером 20/36134 с формулой «Свет, жизнь»⁶⁷. По форме и нанесенному изображению подобной является плита с посквятигельной надписью: «О молитве за [Фео]дора [...]» (Северный берег, храм № 22 [«Северная базилика»])⁶⁸, а также предыдущий объект. А.Ю. Виноградов высказал предположение, что камень предназначался для вставки в стену. В любом случае относить его к эпитафиям пока, на наш взгляд, оснований нет.

Также возникает вопрос относительно объекта под инвентарным номером 3493 (Государственный музей истории религии)⁶⁹, так же с формулой «Φῶς, ζῶή» – «Свет, жизнь»⁷⁰. С.Б. Сорочан и М.В. Фомин интерпретируют его как надгробие. С такой позицией не согласен А.Ю. Виноградов, который причисляет надпись к демонстративным, акцентируя внимание на том, что надгробный характер никак не аргументирован. Автор также приводит памятники с подобными надписями. Формула «Я – свет, я – жизнь» встречается, пишет автор, в двух видах: с полностью выписанными словами в виде креста с омегой в центре. К первому типу относятся V 36 и V 50 из Херсона и V 220 с Эски-Кермена; ко второму – V 37 из Херсона, V 250 из Судака и V 329 с Таманского полуострова⁷¹.

Если рассматривать предметно, то по А.Ю. Виноградову V 50 – демонстративная надпись (храм № 23 [«Уваровская базилика»], около южной стены) – вторичное использование, надпись на позднеантичном рельефе с изображением загробной трапезы; V 220 – демонстративная надпись (археологический контекст находки неизвестен); V 37 – демонстративная надпись (Северный берег, угол IX поперечной и I продольной улицы); V 250 – демонстративная надпись (крепость, к западу от городских ворот, «кв. I», башня XIII в.); V 329 – демонстративная надпись (Тамань, окрестности; Суворовская крепость).

Мы не можем обойти вниманием, что подобная формула была прописана в контексте погребальной надписи Херсона дважды: V 63 – некрополь у Карантинной бухты, склеп № 1951, снаружи, перед входом, «1: [Господ]и, упокой [ду]ши, здесь лежащие, аминь: [Д]амиана, Мар-

⁶⁷ М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, с. 268; IOSPE, V 37.

⁶⁸ IOSPE, V 19.

⁶⁹ IOSPE, V 36.

⁷⁰ В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 27, Санкт Петербург 1908, с. 32–33, нр 28; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, с. 1053; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, с. 270; IOSPE, V 36.

⁷¹ IOSPE, IV.3.C.b.

гариты и детей их 2: Свет. Жизнь»; V 79 – 1996 г., вблизи Загородного храма Богородицы Влахернской, случайная находка, «1: Свет, жизнь 2: Памятник Петра моряка. Памятник Христофора и Сисиния». Хотя последний текст был нанесен на разные стороны одного памятника, что использовался, по всей видимости, как минимум дважды.

С.Б. Сорочан заметил, что на ранневизантийских надгробиях и на стенах гробниц часто была прописана подобная формула⁷². В качестве предположения, обратимся к письменному источнику: Феодорит Киррский вспоминал в «Церковной истории» (V в.), что когда тело святителя Иоанна Хриостома переносили в Константинополь, то у сопровождавших многочисленных людей в руках были свечи, так что Боспор казался огненным от отражения свечей⁷³.

Вопрос остается открытым.

В византийском Херсоне есть еще один памятник подобной формы под инвентарным номером 34912, с надписью «Господи, помоги рабу Твоему Георгию Мамси»⁷⁴. Данный памятник присутствует в каталоге надгробий М.В. Фомина. У С.Б. Сорочана на рисунке изображен данный объект с подписью «известняковое надгробие», очевидно, интерпретируемое по месту находки⁷⁵. Однако, Сергей Борисович также отметил, что инвентарь погребения относится ко II–IV вв.⁷⁶ Надпись же попала в склеп, скорее всего, из близлежащей «цитадели», в которой находится храм как раз начала X в.⁷⁷ А.Ю. Виноградов обозначил надпись как посвятительную, руководствуясь характером переведенного текста. Как эпитафию представленный объект рассматривать не будем.

Также дело обстоит и с двумя следующими текстами: «Господи, помоги рабу Твоему Михаилу» (инвентарный номер отсутствует)⁷⁸ и «Христос помоги Николаю Никандру Никону. 13-го... в 6711 году»

⁷² С.Б. Сорочан, *Византия. Парадигмы быта*, s. 139.

⁷³ Феодорит Киррский, блж., *Церковная история*, пер. с греч., Москва 1993.

⁷⁴ *Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валожинича за 1895 год*, w: *Отчет Императорской Архивной Комиссии за 1895*, Санкт Петербург 1897, s. 88–89, рис. 225, 226; В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России*, w: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 18, Санкт Петербург 1906, s. 124–125, nr 39; И.А. Антонова, *Раскопки в цитадели Херсонеса*, w: *Археологические исследования в Крыму 1994 г.*, Симферополь 1997, s. 21; С.Б. Сорочан, В.М. Зубарь, Л.В. Марченко, *Жизнь и гибель Херсонеса*, Харьков 2000, s. 537–539, 716, nr 31; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 998–999, 1048, прим. 41, 1084, рис. 436; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 270; IOSPE, V 45.

⁷⁵ С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 1084, рис. 436.

⁷⁶ *Ibidem*, s. 1048, прим. 41.

⁷⁷ *Ibidem*, s. 998–999.

⁷⁸ *Ibidem*, s. 1082; М.В. Фомин, *Погребальная традиция и обряд*, s. 271; IOSPE, V 46.

(инвентарный номер 80/36504)⁷⁹. Хотя последний камень и найден в 1906 г. у входа в разграбленный склеп № 2131 недалеко от берега Карантинной бухты, по характеру надписи к надгробным относить его не будем.

Археологический контекст находки под инвентарным номером 89/36504 неизвестен. Текст представляет из себя две буквы «Альфа, омега». На наш взгляд имеющихся данных не достаточно для определения назначения памятника⁸⁰.

То же касается и следующего памятника с надписью «... 30 мая», который А.Ю. Виноградов отнес к числу надгробий (НВФ 133)⁸¹. Объект был обнаружен в районе Главной улицы в ноябрь 1969 г., случайная находка В. Орехова.

Также в фонде Национального Заповедника Херсонес Таврический (НЗХТ) есть несколько памятников, что можно интерпретировать как надгробия, они же помещены в каталог М.В. Фомина. Однако место находок – Гераклеийский полуостров. Речь идет об объектах под инвентарными номерами 0034/30578⁸² и 257 4288⁸³. В описанный каталог они не вошли.

Подведем итоги. Как удачно отметил Ф. Арьес, нет надгробий без трупов, нет трупов без надгробий⁸⁴. В византийской погребальной традиции отчетливо прослеживается противоречие второй части этого утверждения, что вполне объясняется особым религиозным мировосприятием⁸⁵. «Могила становится безымянной» – подчеркивает автор, указывая и на редкое присутствие надгробных памятников и на лаконичность представленных биографических данных об усопшем, в отличие от античного периода⁸⁶. Здесь, конечно, следует за-

⁷⁹ К.К. Косцюшко-Валюжинич, *Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 33, Санкт Петербург 1909, s. 52, 66; *Отчет за 1906 год*, Научный Архив Национальный Заповедник Херсонес Таврический, дело № 15, к. 19 (в рукописном отчете ошибочно указана дата 6710 – примечание С.Б. Сорочана, s. 1051); В.В. Латышев, *Эпиграфические новости из Южной России (Находки 1906 г.)*, в: *Известия Императорской Археологической Комиссии*, выпуск 23, Санкт Петербург 1907, s. 38–39, № 21; А.Ю. Виноградов, *Загородный крестообразный*, s. 247; С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 1050, 1074, 1082; М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 266; IOSPE, V 48.

⁸⁰ М.В. Фомин, *Погребальная традиция*, s. 268; IOSPE, V 40.

⁸¹ IOSPE, V 88a.

⁸² *Ibidem*, s. 267; IOSPE, V 108.

⁸³ *Ibidem*, s. 268; IOSPE, V 109.

⁸⁴ Естественно здесь не идет речь о разграбленных гробницах. См.: Ф. Арьес, *Человек перед лицом смерти*, пер. с фр., ред. С.В. Оболенской, Москва 1992, s. 194–196.

⁸⁵ С.Б. Сорочан, *Византийский Херсон*, s. 1031–1095.

⁸⁶ А.В. Буйских, *Пространственное развитие*, s. 22–26, 60–61, 184–197.

метит, что надгробия в равной степени встречались на протяжении всего византийского периода Херонеса. Как и в античный период, византийские эпитафии – элемент поминания мертвых живыми, элемент *memoria*, своего рода способность удержать знание о пережитом. В количественном соотношении памятников становится меньше, однако на смену приходят «поминальные списки».

Почему на кладбище нет эпитафий более ранних, когда город «познакомился» с новой религией? Позднеантичный – ранневизантийский период, пожалуй, один из наиболее сложно интерпретируемых. В процессе трансформации, как следует из материала Херонеса, новое не вытесняло старое, а просто придавало привычным, традиционным вещам новую смысловую нагрузку. На протяжении столетий символический смысл вкладывался в образ многих погребальных элементов и претерпел существенных изменений в массовом сознании, однако формы выражения во многом остались старыми, хорошо знакомыми.

Соответственно, до утверждения христианства на государственном уровне, небольшой группе населения – носителей новой веры, вряд ли хотелось выделяться, поэтому надгробия на христианских могилах могли не носить зримого отпечатка новой религии. А вот уже с IV в. по характеру погребальных надписей можно вывести четкую формулу: «здесь покоится христианин». К тому же надписи присутствуют на всех херсонских эпитафиях. Более того, 16% составляют красноречивые сами по себе надгробия в форме креста и еще 16% – надгробия с нанесенным изображением в виде креста. Надгробия выступают своего рода визуальной репрезентацией культа.

Имеющиеся данные нельзя рассматривать как достаточные для каких-либо статистически обоснованных выводов, из них можно извлечь только общее представление о погребальной традиции и обряде населения. Предложенная типология, безусловно, с корректировками, поможет выйти на решение новых задач, рассмотреть эпитафии как погребальный элемент для составления более полной картины византийских религиозных воззрений.

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

- A Patristic Greek Lexicon*, ed. G.W.H. Lampe, Oxford 1961.
- Ajnalov D.V., *Pamyatniki khristianskogo Khersonesa*, vypusk 1, *Razvaliny khramov*, Moskva 1905.
- Antonova I.A., *Raskopki v tsitadeli Khersonesa*, in: *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu 1994 g.*, Simferopol' 1997.
- Are's F., *Chelovek pered litsom smerti*, red. S.V. Obolenskoj, Moskva 1992.
- Arnautova Yu.E., *Memoria: „total'nyj sotsial'nyj fenomen“ i ob'ekt issledovaniya*, in: *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni*, Moskva 2003.
- Bolgov N.N., *Bospor V v.: kontinuitet material'noj kul'tury „Temnogo stoletiya“*, „Problemy istorii, filologii, kul'tury“ 1998, 5.
- Bujskikh A.V., *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu*, in: *Materialy po arkheologii i etnografii Tavrii. Supplementum*, vypusk 5, Simferopol 2008.
- Drevnosti yuzhnoj Rossii. Grecheskie i latinskie nadpisi, najdennye v Yuzhnoj Rossii v 1889–1891 godakh. S ob'yasneniyami V.V.Latysheva*, in: *Materialy po arkheologii Rossii*, nr 9, Sankt Peterburg 1892.
- Drevnosti yuzhnoj Rossii. Grecheskie i latinskie nadpisi, najdennye v Yuzhnoj Rossii v 1892–1894 godakh. S ob'yasneniyami akademika V.V.Latysheva*, in: *Materialy po arkheologii Rossii*, nr 17, Sankt Peterburg 1895.
- Drevnosti yuzhnoj Rossii. Grecheskie i latinskie nadpisi, najdennye v yuzhnoj Rossii v 1895–1898 godakh s ob'yasneniyami akad. V.V.Latysheva*, in: *Materialy po arkheologii Rossii*, nr 23, Sankt Peterburg 1899.
- Feissel D., *Chroniques d'épigraphie byzantine 1987–2004*, Paris 2006.
- Feodorit Kirrskij, *Tserkovnaya istoriya*, per. s grech., Moskva 1993.
- Fomin M.V., *O kul'te mestnochtimykh svyatykh v rannevizantijskom Khersone*, „Visnyk Kharkivs'kogo natsional'nogo uniwersytetu imeni V.N. Karazina“, seriya Istoriya, 2015, 1145, 50.
- Fomin M.V., *Pogrebal'naya traditsiya i obryad v vizantijskom Khersone (IV–X vv.)*, Khar'kov 2011.
- Fomin M.V., *Shevtsova A.A., O rannekhristsianskikh kompleksakh Khersonesa*, „Visnyk Kharkivs'kogo natsional'nogo uniwersytetu imeni V.N. Karazina“, seriya Istoriya, 2013, 1087, 47.
- Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*, [Электронный ресурс], <http://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> [dostup: 8 IV 2018].
- Kern L.A., *Sakral'nyjsymbolizmkhristsianskoj (pravoslavnoj) kul'tury*, „Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta“ 2010, 2.
- Kniga Bytie*. 35:20.
- Kniga Izeekiilya*, 39:15.
- Kniga Carej*, II.23:17, I.13:30–32.
- Kostyushko-Valyuzhinich K.K., *Izvolechenie iz otcheta o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1902 godu*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 9, Sankt Peterburg 1904.
- Kostyushko-Valyuzhinich K.K., *Izvolechenie iz otcheta o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1906 godu*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 33, Sankt Peterburg 1909.
- Kostyushko-Valyuzhinich K.K., *Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1905 godu*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 23, Sankt Peterburg 1907.
- Kostyushko-Valyuzhinich K.K., *Skubetov M.I., Izvolechenie iz otcheta o raskopkakh v Khersonese v 1907 godu*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 42, Sankt Peterburg 1911.

- Latinsko-russkij i russko-latinskij slovar'*, sost. A.V. Podosinova et al., red. A.V. Podosinova, Moskva 2007.
- Latyshev V.V., *Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoj Rossii (nakhodki 1903–1905 gg.)*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 14, Sankt Peterburg 1905.
- Latyshev V.V., *Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoj Rossii*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 18, Sankt Peterburg 1906.
- Latyshev V.V., *Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoj Rossii (Nakhodki 1906 g.)*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 23, Sankt Peterburg 1907.
- Latyshev V.V., *Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoj Rossii*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 18, Sankt Peterburg 1906.
- Latyshev V.V., *Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoj Rossii*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 27, Sankt Peterburg 1908.
- Latyshev V.V., *Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoj Rossii*, in: *Izvestiya Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii*, vypusk 33, Sankt Peterburg 1909.
- Latyshev V.V., *Sbornik grecheskikh nadpisej khristianskikh vremen iz Yuzhnoj Rossii*, Sankt Peterburg 1896.
- Lykova N.N., *Osobennosti transformacii simbola kresta na territorii srednevekovoj Tavriki*, „Kul'tura narodov Ptichernomor'ya” 2009, 154.
- Matveeva Yu., *Dekorativnye tkani v mozaikakh Ravenny: semantika i kul'turno-smyslovoj kontekst*, Kiev–Khar'kov 2017.
- Nazarenko A.A., *Grechesko-russkij slovar' khristianskoj cerkovnoj leksyki (s tolkovymi stat'yami): 4500 slov i vyrazhenij*, Moskva 2015.
- Novosadskij N.I., *Neskol'ko zametok o grecheskikh khristianskikh nadpisakh*, in: *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva*, t. 21, Khar'kov 1914.
- Otchet zaveduyushchego raskopkami v Khersonese K.K. Kostsyushko-Valyuzhinicha za 1895 god*, in: *Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1895 god*, Sankt Peterburg 1897.
- Parfinenko A., *Istoriografichnyj slovník: Navch. posib. Dlya studentiv istorychnykh fakul'tetiv universytetiv*, red. S.I. Posokhov, Khar'kiv 2004.
- Solomonik E.I., *Nekotorye novye grecheskie nadpisi Srednevekovogo Kryma*, „Vizantijskij Vremennik” 1986, 47.
- Soloshchenko N.V., *Mnogotirazhnaya gazeta „Nasha pravda” konditerskoj fabriki „Krasnyj Oktyabr” v gody pervoj pyatiletki: istochnikovedcheskie i metodicheskie aspekty analiza gazetnogo materiala*, „Istoricheskaya informatika” 2015, 3–4.
- Sorochan S.B., *O khrame Sozonta, „dome sv. Leontiya” i martirii sv. Vasiliya v rannesrednevekovom Khersonese*, „Antichnaya drevnost' i srednie veka” 2003, 34.
- Sorochan S.B., *O khramovom dekore vizantijskogo Khersona i ego evolyutsii v VI–X vekov*, in: *Actes testanibus: yuvelirnyj zbirnyk na poshanu Leontiya Vojtovycha*, red. M. Lytvyn, L'viv 2011.
- Sorochan S.B., *Skal'naya arkhitektura khristianskogo Khersonesa-Khersona (IV–X veka)*, in: *Nasledstvo i kul'turen pejzazh. Izvestiya na Regionalen istoricheski muzej*, t. 18, Ruse 2015.
- Sorochan S.B., *Vizantijskij Kherson (otoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.)*, in: *Ocherki istorii i kul'tury*, t. 1–2, Khar'kov 2005.
- Sorochan S.B., *Vizantiya. Paradigmy byta, soznaniya, kul'tury*, Khar'kov 2011.
- Sorochan S.B., Zubar' V.M., Marchenko L.V., *Zhizn' i gibel' Khersonesa*, Khar'kov 2000.
- Stupko M.V., Turovskij E.Ya., Filippenko A.A., *O sud'bah raspisnykh sklepov pervykh khristian Khersonesa*, in: *Sacrum et profanum. Nebesnye patrony i zemnie sluzhiteli kul'ta*, vypusk 3, Sevastopol 2007.
- Suprun N.O., *O transformatsii pogrebal'nogo obryada v Khersonese – Khersonese na primere tseremonii zakhoroneniya*, in: *Vizantijskaya mozaika: Sbornik publicznykh leksij Ellino-vizantijskogo lektoriya pri Soyato-Panteleimonovskom khrame. (Narteks. Ukrainensia Supplementum 1)*, red. S.B. Sorochan, Khar'kov 2013.

- Tavricheskaya guberniya. Raskopki v Khersonese*, in: *Otchet Imperatorskoj Arheologicheskoy Komisii za 1906 god*, Sankt Peterburg 1907.
- Thomov T., *Maritime ex-voto graffito from the church of Hagia Sophia, Constantinople*, „Byzantinoslavica” 2015, 73, 1–2.
- Turovskij E.Ya., Filippenko A.A., *Khronologiya sklepov rannikh khristian nekropolya Khersonesa (v svete dannykh raskopok 2006 g.)*, „Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednoviekovogo Kryma” 2008, 1.
- Turovskij E.Ya., Filippenko A.A., *Otchet ob Arkheologicheskikh issledovaniyakh uchastka nekropolya Khersonesa u zagorodnogo khrama v 2006 g.*, Nauchnyj Arkhiv Natsional'nogo Zapovednika Khersones Tavricheskij, delo 3856.
- Turovskij E.Ya., Filippenko A.A., Fomin M.V., *Khersoneskie sklepy s rannekhristsianskimi rospisnyami*, in: *Drynovs'kij zbirnyk*, t. 5, Kharkiv–Sofiya 2012.
- Uvarov A.S., *Izvolechenie iz vsepoddanejshego otcheta ob arkheologicheskikh nakhodkakh v 1853 godu*, Sankt Peterburg 1855.
- Uvarov A.S., *Khristianskaya simvolika*, t. 1: *Simvolika drevne-khristianskogo perioda*, Moskva 2013.
- Vinogradov A., *Von der antiken zur christlichen Koine: typische und untypische Inschriften des nördlichen Schwarzmeerraums*, in: *Une koiné pontique*, par A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary, Bordeaux 2007.
- Vinogradov A.Yu., „*Minovalva uzhe zima yazycheskogo bezumiya... Tserkov' i tserkvi Khersona v IV veke po dannym literaturnykh istochnikov i epigrafiki*”, Moskva 2010.
- Vinogradov A.Yu., *Zagorodnyj krestoobraznyj khram v Khersonese i ego nadpisi*, „Voprosy epigrafiki”, red. A.G. Avdeev, Moskva 2009, vypusk 3.
- Vizantijskij Kherson: Katalog vystavki*, red. I.S. Chichurova, Moskva 1991.
- Vizantijskij Kherson: Katalog vystavki*, red. L. Golofast et al., Moskva 1991.
- Volkov I.V., *Dva nadgrobnnykh kamnya iz Muzeya zapovednika „Khersones Tavricheskij”*, in: *The Genoese Gazaria and the Golden Horde*, ed. S. Bocharov, A. Sitdikov, Kazan–Simferopol–Kishinev 2015.
- Yakobson A.L., *Rannesrednevekovyj Khersones. Ocherki istorii material'noj kul'tury*, in: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, nr 63, Moskva–Leningrad 1959.
- Zubar' V.M., *Sklepy z khrystyjans'kym rozpyrom nekropolya Khersonesa: problemy datuvannya*, „Arkheologiya” 2009, 2.
- Zubar' V.M., Khvorostyanj A.I., *Ot yazychestva k khristianstvu. Nachal'nyj etap proniknoveniya i utverzhdeniya khristianstva na yuge Ukrainy (vtoraya polovina III – pervaya polovina VI vv.)*, Kiev 2000.
- Zubar' V.M., Sorochan S.B., *U istokov khristianstva v Yugo-zapadnoj Tavrike: epokha i vera*, Kiev 2005.

ABSTRACT

The article presents a survey of the tombstones of the Chersonesus necropolis in order to trace the transformation of the worldview of its residents during the transition from Late Antiquity to the Middle Ages. Christianity spread in the city in the 4th century, and Christians used the symbolic language of Late Antiquity, giving it a new meaning.

There are significantly fewer tombstones in byzantine Chersonesus compared with those extant from Antiquity. Nonetheless, they represent the specificity of the worldview of the city's residents. The typology proposed in this article, perhaps with some corrections, will be of use in analyzing epitaphs as a burial element, in order to provide a more complete picture of Byzantine religious views.

Key words: Chersonesus, burial, tombstones, epitaphs, typology

W kwestii typologicznej klasyfikacji epitafiów w bizantyjskim Chersoniezie

STRESZCZENIE

Przegląd nagrobków nekropolii Chersonezu umożliwia prześledzenie transformacji światopoglądu mieszkańców miasta w trakcie transformacji Chersonezu z miasta antycznego w średniowieczne. Chrześcijaństwo upowszechniło się w Chersoniezie w IV w. Chrześcijanie stosowali symbolikę późnego antyku, ale nadali jej nowe znaczenie.

Nekropolia liczy o wiele mniej grobowców bizantyjskich niż antycznych, oddają one jednak specyfikę światopoglądu mieszkańców miasta. Typologia proponowana w niniejszym artykule, z pewnymi zmianami, ułatwi analizę epitafiów jako elementów pochówku, co pozwoli na uzyskanie kompletniejszego obrazu religijnych poglądów tej części Bizancjum.

Słowa kluczowe: Chersoniez, pochówek, nagrobki, epitafia, typologia

NOTA O AUTORZE

Nataliia Pishchulina, post-graduate student. Department assistant at National Aerospace University named after N. Zhukovsky "Kharkiv Aviation Institute". Scientific interests: early Christian and Byzantine art, Northern Black Sea region in the early Middle Ages. E-mail: une.natale@gmail.com